

Петер Травни

**МОЛЧАНИЕ, СЛУШАНИЕ, ТИШИНА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О
СООТНОШЕНИИ
ИСТИНЫ И ЯЗЫКА У ХАЙДЕГГЕРА**
(перевод с немецкого *О. Корольковой*)

Она еще не родилась,
Она – и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазуревом сосуде.
О. Мандельштам

Рассуждения о «сущности истины» можно найти у Хайдеггера на любой ступени развития его философской мысли. Объединение их в *одном* определении нарушило бы претензии философии, которая всегда избегает дефиниций, а вместо этого постоянно утверждает, что мышление есть исключительно личный опыт, находящийся под угрозой заблуждения. Тем не менее, могут быть зафиксированы хотя бы следующие моменты «сущности истины». Для Хайдеггера «истина» не сводится к истине высказывания, к логическому значению предложения. «Истина» есть скорее способ, каким «бытийное» являет себя, чтобы затем быть оформленным в высказывание. При этом Хайдеггер обращает внимание на то, что «бытийное» лишь тогда являет себя, когда одновременно происходит и не-явление. Самопроявление «бытийного» философ называет «открытием», не-явление – «сокрытием». Таким образом, истина представляется как «единовременность открытия и сокрытия» [2, S. 198], как «несокрытость» [2., S. 188]. Может ли «несокрытость» или «истина бытия» [2., S. 201] стать событием, *изначально* происходящим *в языке*, – этот вопрос был бы слишком широк для рамок предлагаемого вводного исследования. Прилагаемые замечания должны показать, что язык безусловно есть то привилегированное место, в котором проясняется «одновременность открытия и сокрытия».

***1. О «слушании и молчании» с точки зрения
анализа вот-бытия в «Бытии и времени»***

В живом, то есть в разговорном языке на уровне фундаментального рассмотрения могут быть выделены два признака говорения. Существует

проявление смыслов – говорение и их восприятие – слушание. Это проявляется в повседневном разговоре, например, в диалоге, в котором участники никогда не могут одновременно говорить или одновременно слушать. Обычно говорит один, а другой в это время слушает, или наоборот. Кажется, что каждый нормальный разговор осуществляется в подобных взаимоотношениях. Говорение и слушание, по-видимому, соотносятся друг с другом как вопрос и ответ. Со всей ясностью это заявлено в платоновском диалоге «Горгий». Здесь Сократ пытается вновь вернуть к разговору софиста Калликлеса, который в середине беседы вдруг вознамерился перестать говорить (505e). Калликлес спрашивает: «Сократ, разве ты вообще не можешь говорить (*legein*), если тебе никто не отвечает (*apokrinestai*)?» (519d). И Сократ отвечает: «Наверное, это так». Диалог мог бы превратиться в монолог. Философские изыскания могли бы быть продолжены Сократом самостоятельно. И тем не менее Сократ продолжает упрашивать упрямого софиста продолжить разговор: «Но дорогой, говори, пожалуйста, если ты любишь меня». Тот, кто больше не хочет поддерживать разговор, как же он может слушать по-настоящему? Разве говорящему не нужен слушатель? Разве слушатель не должен хотя бы время от времени выражать свое согласие коротким «да» или несогласие – коротким «нет»?

И все же в разговоре существует возможность, что один из собеседников прекращает говорить, не выходя при этом из беседы. Это знаменательный момент, когда тот, кто в обычном варианте активно участвует в разговоре, замолкает. Молчание не как обрыв разговора, а как решающий акцент.

В «Бытии и времени», в контексте анализа вот-бытия, Хайдеггер определяет «слушание и молчание» как «возможности красноречивого говорения» [6, S. 161]. «Вот-бытие» «все-таки всегда» находится в состоянии беседы с другим «вот-бытием». В повседневности господствует «болтовня». В ней все считается доступным обсуждению. Хайдеггер же, напротив, указывает на «возможность молчания». Она характеризуется следующим образом: «Тот, кто молчит в совместном разговоре, может, собственно, «давать понять», то есть создавать понимание как тот, от которого не исходит слова» [6, S. 164.]. В «молчании»¹, как и в любой речи, создается некое «понимание». В говорении познаются смыслы. Они «понимаются». Таким образом, в говорении дело заключено в «понимании», которое, если оно особым образом тематизировано, превращается в некую «герменевтику». Тот, «от которого не исходит слово», будет «понят». По Хайдеггеру, тот, кто даже «молчит», может «дать понять нечто еще более непосредственно». И если мы что-то «понимаем» «в молчании», то это связано, в первую очередь, с тем, что «молчание» есть само по себе специфическое говорение. Тот, кто

«молчит», никоим образом не перекрывает источник смыслов. Каждое «молчание» может быть интерпретировано. Мы толкуем, «понимаем» его.

В то же время мы сознаем, что каждое настоящее «молчание» притязает на особенное значение. Каждое настоящее «молчание» – это акцентированное «молчание». Оно должно сообщить нам, что здесь и сейчас речь идет о чем-то особенно важном. «Понимание» покидает «болтовню» и становится «подлинным». Правда, в основе такого «понимания», по Хайдеггеру, лежит определенная предпосылка. Он пишет: «Кто ничего не говорил, не должен в данный момент и молчать. Только в настоящей речи возможно подлинное молчание» [6, S. 165]. Говорение может быть «подлинной речью», говорением вне «болтовни». Такое говорение и есть «сказание». В «болтовне» много говорится, но никто ничего не «вы-сказывает». Для Хайдеггера только тот, кто иногда «что-то вы-сказывает», может и «молчать». «Подлинность» «молчания» корреспондирует с «подлинностью» «речи».

«Понимание» «молчания» связано с тем особенным отличительным симптомом, что именно прерывание обычного течения речи несет в себе нечто более значительное, чем само ее непосредственное течение. «Молчание» как непосредственное прекращение говорения «скажет» больше, чем «не исходящее слово». Прерывание являет себя плодотворным источником смыслов. «Сокрытие» есть более интенсивное «открытие», чем «открытие», стремящееся избежать «сокрытия». «Болтовня», для которой нет ничего скрытого, поскольку она изначально претендует на то, что все может быть «обнародовано» и поэтому не стремится быть просто «открытием», лишена смысла.

Если «истина» как «несокрытость» является «единовременностью открытия и сокрытия», то «молчание» может быть понято как настоящая «возможность» «собеседования». Поскольку «молчание» есть не что иное, как такая «единовременность открытия и сокрытия».

«Молчанию» как подлинному сообщению в разговоре соответствует «слушание». В «Бытии и времени» это определяется следующим образом: «Слушание... есть экзистенциальная открытость бытия как со-бытие для другого» [6., S. 163]. Для Хайдеггера слушание – это не восприятие акустических сигналов. Философа не интересует дефиниция «слушания» как физиологической способности. «Слушание» – это «экзистенциальная открытость». Только слушая, я могу быть вот-бытием «для другого». К тому же «слушание» конституирует «принадлежность» («Zugehörigkeit»), что является чем-то иным, чем просто общественными отношениями.² Я «принадлежен» каждому, с кем я разделяю свою собственную экзистенцию. Согласно Хайдеггеру,

«принадлежность» есть «личная зависимость» («Hörigkeit»).

Используя это слово, Хайдеггер очевидно осознавал и его повседневное значение. Обычно мы называем «зависимым» того, кто утратил свое самоопределение и свою свободу, полностью подчинившись намерениям и желаниям кого-либо другого. Он не только «слушает» другого, значительно больше он «по-слушен» ему. Все, что другой требует от него, приобретает характер приказа. Этот признак «зависимости» не может быть обойден при рассмотрении употребления Хайдеггером данного термина. «Зависимость» в «экзистенциальном» смысле есть фундаментальная скованность другим. «Вот-бытие» постольку «бытие вот», поскольку оно есть «со-бытие». И не важно, «слушаю» я другого или «по-слушен» ему – «вот-бытие» изначально «по-слушно» другому, при всех «привативных модусах» «принадлежности друг другу», будь то «не-слушание, сопротивление, своеобразие, отпор» [6, S. 163]. Тем не менее, следует подчеркнуть, что Хайдеггер понимает эту «зависимость» как «экзистенциальную открытость», то есть совсем не как ограничивающую и изолирующую от мира подвластность. «Принадлежать» кому-либо – это есть позитивная возможность «вот-бытия».

Поскольку «слушание» представляет собою не просто акустическое восприятие произвольных сигналов, а всегда является «пониманием» определенного «бытийного», Хайдеггер характеризует его и как «прислушивание». Оно «феноменально само по себе и более изначально, чем то, что в психологии называют слушанием, чем ощущение тонов и восприятие звуков». «Слушание» – всегда «прислушивание», поскольку мы слышим не просто шумы (вместе с шумовыми характеристиками), а всегда нечто определенное и значимое. Я «прислушиваюсь» – и «слышу» смех ребенка, а не недифференцированный физический шум.

2. О «беззвучном голосе» в лекционном курсе летнего семестра 1944 г. о гераклитовом «Логосе»

Почти через два десятилетия после появления «Бытия и времени» мысли Хайдеггера претерпели существенное изменение. Так называемый «поворот» [8, S. 15f. u. 99f.], который мы обсуждаем здесь только с одной определенной точки зрения, означает изменение в основополагающем для философии Хайдеггера отношении к «вот-бытию» и «бытию». Если Хайдеггер понимал «Бытие и время» как попытку выразить «смысл бытия», прорвавшись через «анализ вот-бытия», то его мысль после «поворота» получает обратную перспективу. Кто хочет постичь «вот-бытие», должен сначала тематизировать «смысл бытия».

В своей лекции «Логика. Учение Гераклита о Логосе»,

прочитанной во время летнего семестра 1944 года, Хайдеггер характеризует «бытие» на основе фрагмента о Логосе легендарного доплатоновского философа. Принимая во внимание это тематизирование, я хотел бы выдвинуть тезис, что тот экзистенциальный элемент «молчания», который Хайдеггер рассматривал в «Бытии и времени» как «подлинную» форму проявления «вот-бытия», он приписывает теперь лишь «бытию самости».

Фрагмент 50 Гераклита гласит: «Не меня, а Логос услышали вы, дабы согласиться с ним, что мудро сказано: Одно есть все»(*Ouk emou, allà tou lógou akoúsantas homologeín sophón estin hèn pánta einai.*) (Цит. по: [1, 22 В 50]). В толковании этого предложения Хайдеггер дифференцирует два логоса (*lógoi*). Первый логос – это тот, к которому должен прислушаться человек; второй же – это тот, который высказан, когда человек, прислушиваясь к тому первому логосу, сам произносит некий логос. На самом деле, Гераклит говорит об одном логосе, соответствующем гомологичности (*homologeín*).

Первый Логос Хайдеггер называет «изначальным Логосом». Он постольку есть «бытие самости», поскольку является Логосом, то есть языком. Таким образом, речь идет о том, чтобы выяснить, что же слышит человек, когда он стремится прийти к согласию с тем первым Логосом. Философ пишет: «Логос есть [...] нечто слышимое, вид речи и голоса; но очевидно это не голос человека, который говорит звуками и требует озвучивания. Но кто же тогда говорит как Логос? Чей же голос есть голос Логоса? Если не человеческий, а, следовательно, и не звучащий, значит беззвучный голос? Разве такой существует? И существует ли пригодное для него слушание?» [4, S. 244.]. Хайдеггер признает и то и другое. Существует «беззвучный голос», а также есть и «слушание для него».

Странная мысль: у Логоса нет звуков и озвучивания, тем не менее, он есть нечто «слышимое, вид речи и голоса», который «говорит». Этот «голос», который «очевидно не является человеческим голосом», «беззвучен», это «беззвучный голос». «Бытие» как этот «беззвучный голос» ничего не «озвучивает», и все же, как Логос высвобождает смыслы. Человек «понимает» «голос», хотя и не воспринимает его звуков. Именно эта особенность «понимания» определялась Хайдеггером в «Бытии и времени» как «молчание».

Тот, кто «молчит» в разговоре, специфическим образом может быть понят. Именно тем, что он перечеркивает привычные формы выражения в разговоре, он и расставляет акценты. Аналогично подобному «молчанию», как это сказано в другом месте, «беззвучный голос бытия» [3, S. 310.] предоставляет великолепное «понимание». Согласно фрагменту из Гераклита, «беззвучный голос» «говорит», что «одно есть все».

Как «молчание» является «одновременностью открытия и

сокрытия» и при этом представляет и гарантирует «сущность истины», так и «беззвучный голос» «открывает» и «скрывает» то, что он «говорит». Как и «молчание», так и «беззвучный голос бытия» есть способ проявления «сущности истины», при всем том немаловажном отличии, что «беззвучный голос бытия» не является «экзистенциальным» элементом бытия, то есть не обладает человеческой природой.

Во фрагменте Гераклита утверждается, что «мудро» «слушать» не говорящего философа, а *lógos*, который говорит, что «одно есть все». И все же отношением к «беззвучному голосу бытия» является «слушание». «Слушание» Хайдеггер разделяет на две части – «вслушивание» и «прислушивание». В этом философ привязан к мысли, которую он высказывал уже в «Бытии и времени». Он пишет: «Вслушивание не зависит от того, что непосредственно звучит в ушах. Все это, непосредственно ощущаемое и воспринимаемое, вслушивание уже выслушало. Вслушивание есть уже и там, и именно там в чистом виде, где восприятие не овладело нами, где еще вообще ничего не озвучено. Это еще ничего не «слышащее» вслушивание мы и называем прислушиванием» [4., S. 245.]. Согласно этому феноменологическому наблюдению, «вслушивание» направляется на нечто подлежащее слушанию, в то время как то, что непосредственно слышно, то, что у слушающего «звучит в ушах», считается «выслушанным». «Вслушивание» мгновенно производит *Erosché*, обращается к пустоте, беззвучности, которая раскрывается в отказе от «непосредственно ощущаемого и воспринятого». Оно отстраняется от непосредственно услышанного, чтобы через него и за его пределами услышать то, на чем оно сконцентрировано. По Хайдеггеру, «вслушивание», которое все же *что-то* воспринимает, не является больше «чистым» «вслушиванием». «Чистое» «вслушивание» слышит «беззвучный голос», глубинно предшествующий всему «воспринятому». Это «чистое» «вслушивание» Хайдеггер называет «прислушиванием».

Правда, следует спросить, какой же смысл вообще в «чистом» «вслушивании» в «беззвучный голос». Становится ясно, что «прислушивание», отвернувшееся от всего непосредственно услышанного, приходит к беззвучности или «тишине», которые по своим характеристикам принципиально отличаются от звуковых сигналов и шумов. Тем не менее, мы, видимо, существенно не отличаем подобный слуховой опыт от другого. Разве мы не слышим «тишину» так же, как «поющую» птицу или изящную фразу из сонаты Моцарта?

Для понимания хайдеггеровского толкования «беззвучного голоса бытия» имеет решающее значение то, что философ ставит этот голос в определенные отношения со звуком. Так, он спрашивает: «[...] что было бы со *всем* прислушиванием, если бы мы *изначально уже* не вслушивались

внимательно в еще недоступный для нас и замкнутый в себе отголосок. Что было бы и как бы могло быть пробуждено прислушивание, настороженное прислушивание, если бы мы *уже заранее* не были послушны тому, что идет и может идти нам навстречу? [...] Да и как могло бы вообще что-то встретиться нам, внимательно прислушивающимся, если бы это приходящее *уже* не владело нами, так как мы каким-то образом уже ему принадлежим?» [4., S. 245.] (Курсив наш – П. Т.). «Прислушивание» вообще, в том числе и прислушивание к звукам, возможно лишь постольку, поскольку мы «*уже заранее*» находимся в определенной связи с «беззвучным голосом бытия», с «еще недоступным для нас и замкнутым в себе отголоском». Каждое «слушание» «*уже заранее*» опережено другим «слушанием». Все звучащее слышимо, поскольку мы «каким-то образом принадлежим» «беззвучному голосу». В этом смысле «слушание» есть «возможность, право на слушание» [4., S. 247.].

Эту предварительную «принадлежность» к «беззвучному голосу бытия» Хайдеггер называет «изначальной зависимостью» [4., S. 245.] (вспомним: в «Бытии и времени» Хайдеггер связывал «зависимость» с «со-бытием для другого»). В преддверии любого «слушания» «бытийного» человек сам уже «послушен» «бытию самости». Мы уже указывали на обычное значение этого слова. Тот, кто кому-то «послушен», отказался от своего самоопределения и передал себя в зависимость. Как и в «Бытии и времени», Хайдеггер предусмотрительно идет навстречу своим возможным критикам. В «изначальной зависимости» человеку присуща «открытость открытому». «Изначальная зависимость», по мысли Хайдеггера, есть не «кабала», а «собственно свобода».

Эта мысль могла бы непосредственно быть понята следующим образом. Если «собственно свобода» как «изначальная зависимость» представляет собою «открытость открытому», то «свобода» очевидно есть свойство «вот-бытия». Но в хайдеггеровском понимании «собственно свободы» такой квазитрансцендентальный способ определения не встречается. И хотя исследуемое нами сочинение Хайдеггера не содержит подробного изложения проблематики свободы, следует указать на то, что Хайдеггер мыслит «свободу» [2, S. 192.] как «сущность истины». «Собственно свобода» находится в связи с «одновременностью открытия и сокрытия», или, говоря по-другому, с «истиной бытия». Это значит, что и «изначальная зависимость» не должна пониматься как свойство человека. В большей мере ее источник следует искать в том «идушем к нам навстречу», «которое уже владеет нами, поскольку мы принадлежим ему».

3. Зашифрованные заметки Хайдеггера

по поводу «гласа тишины» и «ответа»

«Молчание» и «беззвучный голос бытия», а также «слушание» и «послушание», различным образом присущие и тому и другому, есть составные части явления *языка*. Отсюда совершенно ясно, что эти элементы находятся в некоторых взаимоотношениях. Один элемент соответствует другому. В упомянутой уже лекции о Гераклите Хайдеггер объединяет эти отношения в вопросе: «Насколько властен вызов и ответ в отношении бытия к человеку?» [4, S. 381.]. Хайдеггер спрашивает «насколько» – это предполагает, *что* в «отношении бытия к человеку вызов и ответ» «властен».

В этом определении «отношения бытия к человеку» мы вновь встречаем предыдущие объяснения отношений между «молчанием» и «слушанием» или «беззвучным голосом» и «слушанием». Есть первичный «вызов», которому соответствует «ответ». Эти формальные определения, собственно, еще ничего не дают для понимания «вызова» и сказанного или несказанного в «ответе». Они лишь демонстрируют, каким образом происходит «отношение бытия к человеку».

В заметках, которые, по-видимому, были написаны или одновременно с той самой лекцией о Гераклите лета 1944 года или сразу после этого, Хайдеггер объясняет зашифрованными словами, как «поэзия» может быть отношением «вызова и ответа» в «отношении бытия к человеку» (Под «шифром» я понимаю здесь особенный признак того языка, который стремится ответить на вопрос об «истине» только в интересах самой «истины»). Поскольку язык Хайдеггера решительно стремится к «укрытию» «несокрытости», он может считаться «зашифрованным»). В данных заметках это звучит так: «Поэзия есть скрытая сущность собственно отвечающей, заключенной в ответе памяти, которую можно узнать никак не через воспоминание, припоминание и мышление, а прежде всего и непосредственным образом через благодарность» [7, S. 13.]. Центральное слово в предложении – «память». О ком же здесь «вспоминается», что «подразумевается»? Видимо, это «вызов» («беззвучный голос бытия»), который человек «узнает» в своем «отношении» к «бытию». «Память» «заклучена в ответе», она являет себя, выговаривается в нем.

«Скрытая сущность» этой «памяти» и есть «поэзия». В данном случае «поэзия» никоим образом не идентична той «поэзии», которую отличают от философии, причем в разных обстоятельствах то одна, то другая получают более высокую оценку как особенная форма человеческой деятельности. В своих заметках Хайдеггер понимает под «поэзией» (и кто стал бы спорить, что это поэзия Гельдерлина?) скорее тот источник, из которого в каждом случае и «философия» и «поэзия» черпают свою сущность.

Эта «заключенная в ответе память», чьей «сущностью» является «поэзия», может быть признана, по Хайдеггеру, «никак не через воспоминание, припоминание и мышление, а прежде всего и непосредственным образом через благодарность». «Ответ», «слышащий» «вызов» «бытия», возникает из «благодарности». Это звучит так: «Ответное слово (Ant-Wort) как слово навстречу (Gegen-Wort) – это слово благодарности». Но почему «благодарность»? Разве нечто подобное не оговаривалось изначально в формально рассмотренных связях между «вызовом и ответом»? Каким образом «ответ» может быть «узнан из благодарности»?

Хайдеггер кратко определяет отношения «ответа» и «благодарности» следующим образом: «Ответы как знаки благодарности – тишина благодарности». Это не объяснение, даже не толкование, скорее это зашифрованное указание. «Отвечание» возможно лишь «благодаря» «вызову». Оно может осуществиться только таким образом. При этом «отвечание» есть превращение слова в «благодарность». «Благодарить» используется в этом смысле так же, как глагол «наследовать», который означает превращение собственности в наследство.

Хайдеггер пишет: «Отвечать на знаки благодарности – тишина благодарности». Тире мотивирует отступ, обращение к тишине. Оно стоит вместо «есть», и тем самым умалчивает о нем (или правильнее было бы сказать: «есть» молчит в тире?). «Отвечание» определено «тишиной благодарности», оно само становится «тихим». Это демонстрирует следующее предложение, содержащееся в заметках: «Ответное слово (Ant-Wort) – покорно – повторяет глас тишины». «Тишина благодарности» в проявлении «знаков благодарности» вырастает из «гласа тишины», который «повторен» «ответным словом». «Глас тишины» – это начало «тишины благодарности».

Парадоксальный родительный падеж в «гласе тишины» означает, что как «глас» принадлежит «тишине», так и «тишина» принадлежит «гласу». «Тишина» «звучит» в «гласе», но и «глас» – в «тишине» (в этом же тексте Хайдеггер пишет: «Только в основном тоне звучит сказанное» [7., S. 24.]). Следовательно, в «гласе тишины» вновь звучит та «одновременность открытия и сокрытия», которую мы наблюдали уже в «молчании» и «беззвучном голосе бытия». В «гласе» «открывается» «тишина», в «тишине» «укрывается» «глас». «Глас тишины» становится обиталищем «сущности истины».

«Ответное слово» («слово навстречу» – “Gegen-Wort”) «повторяет [...] глас тишины». «Вызов» предшествует «ответу». «Бытие» [7., S. 20.] должно быть «уже заранее» предопределено «гласом тишины». Поэтому «ответное слово» прежде всего обязательно должно «повторять» за

«гласом тишины». Но тут же Хайдеггер добавляет: «Так, повторяя, ответ предсказывает <языку> слово». Приставки «nach» и «vor» в их употреблении Хайдеггером многозначны.³ Во-первых, они одинаково могут быть поняты в пространственном смысле. «Ответ» идет за «гласом тишины», следует за ним. Только так он может что-либо «предсказать», то есть пре-поднести в «говорении». С другой стороны, они могут быть истолкованы в аспекте времени. «Глас тишины» – первый, более ранний, а потому и старший. И только следуя ему в его возрасте, «повторяя», «ответное слово» может «пред-сказать» будущее.

«Слово», которое «предсказано» «<языку>», и есть собственно «ответное слово». Хайдеггер пишет: «Повторяя – предсказывая, оно делает слово собственностью <языка> [...]». Поскольку «ответное слово» возникает в своих очертаниях из «гласа тишины», оно может дать возможность «слову» найти свою сущность в языке. Между тем как «<язык>» воспринимает «ответное слово» и записывает его на «глас тишины», мы видим, насколько «сущность истины» склоняется к логосу, к <языку>». Хайдеггер рассуждает дальше так: «[...] поэтому его [языка] сущность состоит в том, чтобы отплатить за истину Бытия и, предчувствуя это, сокрыть Бытие таким образом, чтобы в этом спасительном укрытии (в плоте Бытия) нашлось убежище для жизни». «<Язык>» есть по своей «сути» место «истины Бытия». Это место Хайдеггер называет здесь в соответствии с «одновременностью открытия и укрытия» «спасительным укрытием». В «<языке>» воплощается «истина Бытия», при том как в «молчании», так и в «беззвучном голосе бытия» и в «гласе тишины» «открываются» значения, между тем как «укрывается» их источник.

Эти значения, возникающие из «спасительного укрытия», уже не нейтральны. Они относятся к «памяти», которая «узнается через благодарность». «Поэзия» как «скрытая сущность» этой «памяти» показывает нам, что в «спасительном укрытии» «находится убежище для жизни». Не только хайдеггеровские зашифрованные записки о «гласе тишины», но и его рассуждения о «молчании» и «беззвучном голосе бытия» обнаруживают тем самым одну из своих самых главных целей. Поскольку язык может принять в себя «сущность истины», он и есть то место, в котором «находится убежище для жизни», при этом нельзя определить окончательно, действительно ли оно там есть и как это происходит. Но может быть для подобного «нахождения» это и не имеет значения. *Логос может быть этосом* – важнейшее стремление хайдеггеровской мысли в том, чтобы все глубже понять это.

Возможно, и Осип Мандельштам говорит о «гласе тишины», о своем опыте и о, по-видимому, неизбежном заблуждении, когда пишет в двух последних строфах «Silentium»:

Да обретут мои уста

Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

Примечания

¹ В частности, о самом себе Хайдеггер сказал как-то в 1946 году: «В своей философии я молчу не только с 1927 года, с опубликования «Бытия и времени», но я молчу и в самой этой книге, и до этого постоянно молчал. Это молчание – подготовка слов едино-мысленника, его готовность – это узнавание, а узнавание – действие и поступок. Собственно «экзистирующий», не нуждающийся в ангажированности» [5, S. 421f.].

² Хайдеггер обыгрывает смысл однокоренных слов Hören (слушание), Zugehörigkeit (принадлежность), Hörigkeit (зависимость), которые восходят к hören (слушать).

³ Приставка «nach» (nachsagen у Хайдеггера) в немецком языке означает действие, совершенное после чего-либо, приставка «vor» (соответственно, vorsagen) – действие, совершенное до чего-либо.

1. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Hrsg. von Walther Kranz. Erster Band. 18/Zürich u. Hildesheim, 1989.
2. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. In: Ders.: Wegmarken. Gesamtausgabe (GA) Band 9. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main, 1976.
3. Heidegger M. Nachwort zu: „Was ist Metaphysik?“. In: Ders.: Wegmarken. GA 9.
4. Heidegger M. Heraklit. 1. Der Anfang des abendländischen Denkens. 2. Logik. Heraklits Lehre vom Logos. GA 55. Hrsg. von Manfred S. Frings. Frankfurt am Main 2/1987.
5. Heidegger M. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. GA 16. Hrsg. von Hermann Heidegger. Frankfurt am Main, 2000.
6. Heidegger M: Sein und Zeit. Tübingen 16/1986.
7. Heidegger M. Die Dichtung. Philosophía – Poíesis. Das Gespräch. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. In: Heidegger-Studies 19 (2003).
8. Trawny P. Martin Heidegger. Frankfurt u. New York, 2003.